

Кажарова Инна Анатольевна

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЕЧНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В КАБАРДИНСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

На материале отдельных произведений кабардинской поэзии 1950-х и 1960-х годов прослеживаются способы трактовки мотива конечности человеческого бытия в контексте смены ценностных парадигм. В этой связи рассматривается трансформация понятий, транслирующих данный мотив в творчестве классика кабардинской поэзии и представителя ее послевоенного поколения. Доказывается, что на коротком временном промежутке кабардинской поэзии минувшего века мотив конечности человеческого бытия успевает предстать в двух разнонаправленных интерпретациях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 103-105. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.35.0

Филологические науки

На материале отдельных произведений кабардинской поэзии 1950-х и 1960-х годов прослеживаются способы трактовки мотива конечности человеческого бытия в контексте смены ценностных парадигм. В этой связи рассматривается трансформация понятий, транслирующих данный мотив в творчестве классика кабардинской поэзии и представителя ее послевоенного поколения. Доказывается, что на коротком временном промежутке кабардинской поэзии минувшего века мотив конечности человеческого бытия успевает предстать в двух разнонаправленных интерпретациях.

Ключевые слова и фразы: мотив; национальная культура; понятие; идеал; конечность бытия; бессмертие.

Кажарова Инна Анатольевна, к. филол. н.

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
barsello@rambler.ru*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЕЧНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В КАБАРДИНСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА[®]

Одна из постоянных величин поэтического мироосмысления – мотив конечности человеческого бытия. Можно предположить, что в контексте единой культуры, формирующей творческий почерк разных художников, данный мотив должен обнаруживать и общность интерпретаций, тем более что, речевой этикет является важнейшим элементом национальной культуры, так как в устойчивых формулах общения отложился богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни народа» [8, с. 98]. Однако сопоставление произведений, появившихся в пределах одного столетия, убеждает нас в том, что инвариантный мотив способен обрести различную психологическую наполненность в зависимости от типа проповедуемого художником идеала.

Как известно, в кабардино-черкесском языке представление о конечности человеческого бытия передается двумя взаимопересекающимися понятиями – , лЭныгъэ́л и , ажал́, оба переводятся как , смерть́. Однако во втором случае привходит оттенок фатальности, который, судя по всему, наличествует также во всех языках, заимствовавших данное слово из арабского: , Ажал/аджал `смерть`, `смертный час`; ~ Из араб. *ajal* `срок`, `предел`, `смертный час`; представлено и в др-х кавказских языках, родств-х и неродств-х: абх. аджал, абаз. аджалъ, лезг. ажал, авар. гАжал, груз. агзали, осет. адзал, балк. аджал и т.д. `смерть`, `смертный час`, `рок` [9, с. 34]. Ассоциативные поля, в которые оказывается включенным понятие , ажал́ (, смерть́), подробно исследованы М. Л. Апажеевым и М. Х. Пшуковой на материале кабардино-черкесского языка [1, с. 67]. Мы же добавим к имеющимся наблюдениям то, что данное понятие в кабардино-черкесском языке обнаруживает также тенденцию к персонификации.

В данной статье мы будем опираться на некоторые наблюдения, относящиеся к произведениям, возникшим в кабардинской поэзии 1950-х и 1960-х годов. В обозначенный период особым пафосом наполняется понятие , жизнь́, причем происходит это отнюдь не в русле онтологического стремления , ”реабилитировать” в человеке сверхчеловеческое, преодолеть его ограниченность [5, с. 46], а в русле утверждения высокого долга личности перед обществом. Ранее мы уже говорили о сращении темы труда и внутренней культуры человека [4, с. 87], которое с особой убедительностью осуществилось в контексте интимной поэзии классика кабардинской литературы Б. Куашева, при этом подчеркивалось, что , достойный конец мыслился поэтом как реальность, не менее важная, чем честная, наполненная смыслом жизнь [Там же]. Достойный конец в руках каждого – считал Куашев, его надо заслужить путем высокой нравственности и самоотверженного труда во имя своего народа. Спустя всего лишь десятилетие в творчестве А. Браева – представителя плеяды, вступившей в кабардинскую литературу в послевоенные годы, происходит постепенное переосмысление ключевых для поэзии его предшественника понятий – «лЭныгъэ́л и , ухыгъэ́л (, кончина́). Сразу бросается в глаза, что позиция браевского героя в отношении достойного конца в большей степени созерцательна, нежели активна, хотя понятия , щЫхъ́л (, известность, слава́) и , лЭныгъэ́л часто расположены в его текстах рядом: . ЩАлэу улЭныр арагъэнц насыпыр, / Упсэухунклэ уимыЭнум щЫхъ́л (, ЩЫ сызытылым кысхуегъэплъ си щЫбыр...л) [2, с. 10]. / . Молодым умереть, видимо, счастье, / Если пока живешь, не будет у тебя славы́ (, Земля, на которой лежу, нагревает мне спину...л) (здесь и далее все подстрочные переводы наши – И. К.). Меньше всего его героя интересует соответствие каким-либо эталонам духовного совершенства, но это вовсе не отрицает его фиксированности на духовных категориях, в частности философской оппозиции жизнь/смерть, о чем свидетельствует хотя бы неизменное написание им слова , Псэуныгъэ́л (, Бытие́, , Жизнь́) с прописной буквы. Да и как таковая необходимость введения в свой поэтический лексикон данного слова – непривычного для кабардинского слуха отглагольного существительного – говорит сама за себя. Можно сказать, что главное для героя Браева – иметь мужество принять Бытие без остатка. Он не стремится по примеру предшественников в чем-то преобразовать его, он непритязателен в требованиях к своему

Бытию (КупщӀэу ильыр Псэуныгъэм / Сэ къысфӀощӀыр фадэ фальэу, / Хуейщ а фальэр сэ си лӀыгъэм / Ирифын, сылӀэху и пӀальэуӀи (Аргуэрыжъти си нэджыджырӀи) [Там же, с. 13]. / , Смысл, заключенный в Бытии, / Мне видится сосудом с крепким напитком, / Необходимо этот сосуд моему мужеству / Испить, до момента наступления моей смерти), но при этом он никогда не перестает притязать на бессмертие.

Здесь надо отметить, что оппозицией к , ПсэуныгъэӀи в его текстах наряду с , лӀэныгъэӀи (, смертьӀи) выступает также понятие , ухыгъэӀи. В свою очередь, , ухыгъэӀи – авторский неологизм Б. Куашева, вжившийся в современный кабардинский язык настолько органично, что , сегодня уже и не чувствуется, что это слово было изобретением конкретного автораӀи [6, с. 291]. В контексте куашевской поэзии оно имело два значения – , смертьӀи и , судьбаӀи. Те же коннотации реализуются и в творчестве Браева, с той, возможно, разницей, что , ухыгъэӀи в первом куашевском смысле у Браева лишено драматического напряжения. Он не указывает, что именно составит памятник его бессмертия, он обычный человек, нет и мысли об избранности своего удела, но тем не менее надежда на бессмертие, как и слава (щӀыхъ), становится одной из устойчивых величин его сознания.

Так, этический идеал типического человека и этический идеал человека героического сопоставляются знаменитого куашевского , Сыт сызышышынэр?Ӏи (, Чего я боюсь?Ӏи) и стихотворения Браева , ГугъэӀи (, НадеждаӀи). В первом случае – напряженная устремленность личности во внешний мир, всепоглощающее чувство ответственности перед родным этносом, желание быть достойным того, чтобы являться частью его культуры. Во втором – полная сосредоточенность на желании удержать доминанту своего внутреннего мира – надежду, естественную как сама жизнь. Разница в характере переживания конечности собственного существования и разница в эмоциональном отношении к тому, как оно будет оценено социумом, в сопоставлении двух произведений показывает, что , предмет, представляющий очень большую ценность ввиду его соответствия данному идеалу, может иметь нулевую ценность с точки зрения другого идеала» [3, с. 491]. Так, , ЯӀи Б. Куашева ориентировано на преобразование себя во имя своего народа. , Я обычный человекӀи – заявляет герой Браева, – , живу, работаю...» [2, с. 12]. Если его знаменитый предшественник, проецируя на себя традицию всеобщего прощения умершего, готов ею пренебречь ввиду того, что лишь собственная совесть вершит последний суд (Ар си лӀэн тӀэунейщӀи. / , Это для меня двойная смерть» [7, с. 71]), то А. Браев, соотнося доминанте своего внутреннего мира, спокойно верит в уготованный ему удел бессмертных.

Безусловно, вывод , бессмертенӀи подразумевает свершения, способные перевести человека в вечность, но поэт предпочитает оставить это за кадром, переставляя акцент на устойчивость своего духа. Если попутно обратить внимание на внедренное в обоих произведениях отношение , поэт и обществоӀи, можно отметить в первом случае определенность адресата, которому обращен труд поэта, – , ты, мой малый народӀи (причем Б. Куашевым переживается не проблема понимания обществом, а проблема своего соответствия, своей необходимости ему), во втором случае – некое обобщенное множество, обозначенное глаголом , скажутӀи и присутствующее всего лишь как фон духовной стойкости человека. Мера ценности своего соответствия этому фону, с точки зрения идеала А. Браева, вообще несущественна. В свете таких расхождений герой Браева может показаться антиподом идеала героической личности, но такой вывод был бы законным, если бы имело место прямое противопоставление этическим нормативам героического человека, здесь же – всего лишь постепенная и естественная эволюция героя послевоенной поэзии. Иначе говоря – не отрицание прежних ценностей, а интерпретация их с точки зрения нового идеала. Отличительной особенностью понимания конечности человеческого бытия в контексте поэтического мышления выступает то, что в большинстве случаев оно оказывается включенным в оппозицию бытие/небытие. В обоих рассмотренных случаях , бытиеӀи коррелирует с понятием , бессмертие», но в разных системах ценностей бессмертие актуализируется по-разному. В поэтической интерпретации Б. Куашева достойный конец равнозначен бессмертию, небытие же понимается как бесславный конец. Герой А. Браева также одержим идеей бессмертия, однако, отходя от идеи духовного самосовершенствования и беззаветного служения людям, трактует ее всего лишь как веру в свой светлый удел. Таким образом, на коротком временном промежутке кабардинской поэзии (1950-е – 1960-е годы) минувшего века мотив конечности человеческого бытия успевает предстать в двух совершенно разнонаправленных интерпретациях.

Список литературы

1. Апажев М. Л., Пшуква М. Х. Структурный и функциональный анализ лексико-семантической системы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Издательство Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 2004. 143 с.
2. Браев А. Г. Душой и сердцем: избранное: стихи, рассказы, повесть / на каб. яз. Нальчик: Эльбрус, 2000. 262 с.
3. Бранский В. П. Искусство и философия. Калининград: Янтарный сказ, 1999. 704 с.
4. Кажарова И. А. Противоречивость идеала в эстетической рефлексии 1940-50-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26). Ч. 2. С. 84-89.
5. Кажарова И. А. Человек и история в адыгской поэзии 1970-1990-х гг. Художественно-философский аспект. Нальчик: Издательство КБИГИ, 2009. 106 с.
6. Кармоков Х. Труд поэта // Куашев Б. И. Стихотворения и поэмы / на кабардинском языке. Нальчик: Эльбрус, 1996. С. 279-296.
7. Куашев Б. И. Стихотворения и поэмы / на каб. яз. Нальчик: Эльбрус, 1996. 301 с.
8. Махиева Л. Х. Некоторые национально-культурные особенности оптативов-пожеланий (на материале карачаево-балкарского языка) // Вопросы культурологии. 2014. № 12. С. 97-102.
9. Шагириев А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Издательство , НаукаӀи, 1977. 290 с.

INTERPRETATION OF FINITENESS OF HUMAN EXISTENCE IN THE KABARDIAN POETRY OF THE XX CENTURY

Kazharova Inna Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Kabardian-Balkarian Institute for Humanitarian Research
barsello@rambler.ru

In the article by the material of certain works of the Kabardian poetry of the 1950s and the 1960s the author traces the interpretation ways of the motive of the human existence finiteness in the context of the value paradigms change. In this connection the transformation of the notions transferring this motive to the creativity of classical author of the Kabardian poetry and the representative of its post-war generation is considered. It is proved that in a short time interval of the Kabardian poetry of the last century the motive of the human existence finiteness appeared in two multidirectional interpretations.

Key words and phrases: motive; national culture; notion; ideal; finiteness of existence; immortality.

УДК 811.111-26

Филологические науки

Статья представляет собой анализ лексических особенностей перевода современной детской английской комической литературы на материале двух детских повестей-сказок английского писателя Р. Даля. Автор выделяет три группы номинаций, подвергнутых переводческой трансформации, и далее анализирует примеры, учитывая переводческие преобразования на уровне семантики и художественной функции, и выявляет способы перевода для каждой анализируемой группы.

Ключевые слова и фразы: перевод реалий; перевод межстилевых слов и выражений, называющих действия; перевод разговорно-просторечных слов и выражений; переводческие трансформации; современная детская английская комическая литература; Р. Даль.

Капкова Светлана Юрьевна, к. филол. н., доцент
Воронежский государственный педагогический университет
kapk@list.ru

АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. ДАЛЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Выбор лексики при написании детских юмористических произведений чрезвычайно важен с точки зрения художественной и эстетической ценности и восприятия текста читателем, поэтому автор должен учитывать многие факторы: возраст читательской аудитории, уровень социализации ребёнка-читателя и что для ребенка является смешным, так как восприятие текста и картина мира ребенка и взрослого значительно отличаются. Перед переводчиком ставится еще более сложная задача. Ему надо подобрать соответствующий перевод реалий другой лингвокультуры, передать или трансформировать языковую игру и различные формы комического в доступной ребёнку-читателю форме и максимально сохранить авторский стиль [5].

В качестве материала исследования нами были выбраны две детские комические повести-сказки выдающегося английского писателя Р. Даля (в некоторых изданиях – Р. Дала). По мнению Е. В. Белиной, юмористические тексты занимают лидирующее место в читательских предпочтениях современного младшего школьника [1]. В ходе исследования было проанализировано 156 примеров (лексических единиц, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений), подвергшихся переводческим преобразованиям на уровне семантики, отобранных методом сплошной выборки из его произведений *Matilda* (перевод А. Бирюкова), *Fantastic Mr. Fox* (перевод А. Нестерова). Выявленные примеры были классифицированы нами по следующим параметрам: по семантике и по художественной функции. Анализ указанных характеристик представляется необходимым для дальнейшего описания способов перевода. При анализе семантики для нашего исследования является актуальным выявление коннотативной составляющей значения, поскольку именно коннотативные семы при переводе наиболее часто подвергаются трансформациям.

В номинативной системе языка представлены как лексические, так и фразеологические средства номинации. И те, и другие в структуре своего значения могут содержать коннотативные семы: эмоционально-оценочные, экспрессивные, стилистические [7]. Среди отобранных примеров мы выделили три группы номинаций, подвергнутых переводческой трансформации. К основным переводческим приемам лексических трансформаций относят генерализацию, калькирование, транслитерацию, транскрибирование, конкретизацию и лексико-семантические замены. Однако следует помнить, что способы перевода далеко не универсальны и каждый из них подходит только для определенных случаев употребления пословиц и поговорок. Лишь мастерство, хорошее знание языка и внутреннее чутье могут подсказать переводчику, каким именно приемом надлежит воспользоваться в данной конкретной ситуации [4].